

А.Л.Чернышев

Есть ли душа у современных индейцев?

Коренное население Мексики как объект и субъект политики на рубеже XX—XXI вв.

С колониальных времен коренное население Мексики было объектом политики властей, направленной на подчинение индейцев в политическом, экономическом и культурном отношении. На последующих этапах мексиканской истории ситуация в целом сохранялась, и правительство проводило в отношении индейского населения специальную политику, не учитывающую их цивилизационных отличий и потенциала для развития. Активизация индейских организаций в последней четверти прошлого столетия создала предпосылки для становления коренных народов как самостоятельных участников политической жизни. В статье исследуются изменения во взаимоотношениях между правительством и этим новым социальным актором в конце XX — начале XXI вв., обусловленные подъемом индейского населения.

Ключевые слова: коренное население, дискриминация, индихенизм, субъект политики, политика развития, автономия.

В колониальной Мексике коренное население было объектом дискриминационной политики, направленной на его подчинение западной культуре. Дискриминация была основана на расистском восприятии индейцев как существ низшего порядка по сравнению с европейцами. Известно, что некоторые религиозные и политические деятели того времени даже полагали, что у индейцев нет души. В наши дни автохтонные народы Мексики, сохраняющие свои социальные, экономические, культурные и политические институты, составляют около 12,7 млн человек¹. В этой статье мы проанализируем взаимоотношения между правительством и коренными этносами на

рубеже XX — XXI вв. и попытаемся выяснить, признаются ли они сегодня субъектами политики или по-прежнему рассматриваются как ее объект.

После завоевания Мексикой независимости в начале XIX в. особую актуальность приобрела проблема интеграции коренного населения в современное общество. В результате либеральных реформ индейцы формально стали полноправными гражданами национального государства, однако потеря ими своего особого статуса и непризнание их коллективных прав имели негативный эффект и стали фактором их политической, социально-экономической и культурной маргинализации. После рево-

Алексей Львович Чернышев — научный сотрудник ИЛА РАН (aleksey.chernyshev@gmail.com).

люции 1910—1917 гг. государство предпринимало активные попытки решить *индейский вопрос* в рамках патерналистской политики индихенизма, которая рассматривала культурные традиции коренных народов как основную причину их отсталости. Главной задачей индихенизма было, по выражению мексиканского антрополога Гильермо Бонфиля Батальи, «спасти индейцев от самих себя», интегрировав их в жизнь современного общества. Обоснованием этого миссионерского подхода было восприятие индейца как «существа слабого в экономическом и социальном отношении»², — именно такое определение коренного жителя было принято на первом межамериканском индихенистском конгрессе, состоявшемся в 1940 г. в г. Пацкуаро.

Правительственные программы по модернизации традиционного уклада общин, обучению индейцев испанскому языку, их аккультурации нарушали устоявшиеся социокультурные связи и зачастую вели к еще большему обнищанию и маргинальности коренного населения. К положительным результатам можно отнести развитие сельскохозяйственного производства и системы здравоохранения в индейских общинах, однако в 1970-е годы последствия индихенизма продемонстрировали его неэффективность.

Во-первых, социально-экономические проблемы индейцев так и не были решены: коренное население оставалось изолированным от остального общества, не имело доступа к его современным благам. Во-вторых, итогами этой патерналистской политики стали уничтожение большого числа индейских общин, деградация и угроза исчезновения многих автохтонных культур. Кроме того, обострение противоречий между индейскими этносами и доминирующим обществом высветило серьезные трудности в формировании мексиканской нации.

На наш взгляд, негативные последствия индихенизма обусловлены в первую очередь тем, что эта политическая доктрина не учитывала объективного факта — культурного многообразия и многоукладности мексиканского общества. Различия в мировоззрении, куль-

турная дискриминация³, отсутствие механизмов защиты индейцев как социально уязвимой группы населения препятствовали их интеграции в чуждую «западную» культуру и современное общество. В этих условиях индейцы были обречены на маргинальность. Кроме того, индихенизм изначально рассматривал традиции индейцев как проблему, а не как потенциал для их самостоятельного развития.

В последней четверти XX в. в условиях неэффективной и губительной для коренных народов государственной политики ассимиляции и интеграции наблюдалось два парадоксальных явления. Во-первых, это положительная динамика роста индейского населения, сохраняющего свою идентичность и культуру. Хотя многие этносы оказались на грани вымирания, а в процентном соотношении доля индейцев в общей численности населения страны уменьшалась, в абсолютных величинах их количество в стране возрастало. Если в 1930 г. коренное население, определенное с помощью языкового критерия, составляло 2,3 млн, то в 1995 г. — 5,6 млн человек⁴.

Во-вторых, коренные народы, демонстрируя потенциал, необходимый для выживания и мобилизации, в течение долгого времени сохраняли относительную пассивность в условиях обострения своих социально-экономических проблем и фактически направленной на *этноцид** правительственной политики. Эту пассивность можно объяснить различными причинами. Среди них — особенности мексиканской политической системы, которая бюрократическими средствами и путем установления клиентелистских отношений существенно сужала пространство для протеста, ограничивая его приемлемыми для себя рамками.

Кроме того, инертность индейцев можно объяснить таким явлением, как формирование у дискриминируемой группы особой ментальности и системы

* Термин «этноцид» был предложен французским антропологом Р.Жолином в 1970 г. для обозначения политики, ведущей к уничтожению этнической или национальной идентичности коренных народов.

ценностей, которые выражаются в неверии в свою способность улучшить положение и «фаталистическом принятии своей участи»⁵. Мексиканский антрополог Альфонсо Фабила называл это сознание «философией бедности и покорности», веками вырабатывающейся у поколений индейцев⁶.

Беспрецедентная активизация индейского населения, имевшая место в середине 1970-х годов в Мексике, как и во многих других странах Латинской Америки, была довольно неожиданным явлением. Она была обусловлена целым рядом таких факторов, как демократизация политического режима, открывающая новые возможности для протеста и мобилизации, формирование международного законодательства в области прав коренных народов, тенденции глобализации, размывавшие суверенитет государств и делавшие национальные правительства более уязвимыми перед действиями новых социальных акторов.

Индийские организации Мексики ставили перед собой как цели, имевшие в своей основе экономическую мотивацию (защита заселенных территорий, права на использование природных ресурсов и т.п.), так и те, что были связаны с защитой таких ценностей, как право на традиционную социально-политическую организацию, на собственные институты и процедуры разрешения внутриобщинных конфликтов, на использование своего языка. В ходе борьбы многие индийские организации фактически брали курс на создание автономий *de jure* или *de facto*, которые должны были стать институционализированным механизмом для защиты этих прав. Фактически в автономии должен был найден отражение статус коренных народов как субъектов политики.

Большинство индийских организаций разделяло мнение, что одной из главных причин бедственного и угнетенного положения коренного населения был крайний централизм действующей в Мексике власти. Осуществление проекта автономий должно было изменить эту ситуацию.

На основании вышесказанного, можно заключить, что создание индей-

ских автономий преследовало две основных цели. Во-первых, сохранение идентичности и конституционное признание права на самоуправление на основании культурных традиций, и, во-вторых, защита от существующего в государстве социально-экономического и политического порядка, дискриминационного по отношению к коренному населению.

Переломным событием, придавшим мощный импульс борьбе за автономии, стало восстание Сапатистской армии национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN) в Чьяпасе 1 января 1994 г. Дата восстания имела символическое значение: в этот день официально вступало в силу Североамериканское соглашение о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA), которое, по мнению сапатистов, было «смертным приговором индейским этносам Мексики».

Социальную базу EZLN составили преимущественно индейцы цоцили, цельтали, тохолабали, соке и чоли, тем не менее, индейская аутентичность EZLN явилась предметом споров в научных и политических кругах. Главным поводом для дискуссий стала фигура лидера сапатистов, известного с января 1994 г. как Субкоманданте Маркос. Его личность была установлена властями в 1995 г. Им оказался некий Рафаэль Себастьян Гильен Висенте, метис, представитель среднего класса, бывший преподаватель университета. Это обстоятельство в некоторой степени разрушило иллюзии о *низовом*, народном характере индейского движения в Чьяпасе, снижало степень аутентичности герильи, а, следовательно, и ее легитимность. Мексиканский антрополог Артуро Урман, член правительства при президенте Карлосе Салинасе де Гортари (1988—1994), утверждал, что события в Чьяпасе не имеют ничего общего с индейским движением и что «это военно-политический проект, навязанный индейцам и не представляющий их интереса»⁷. Подобные заявления, на наш взгляд, в первую очередь имели своей целью лишить EZLN легитимности и оправдать силовую реакцию властей на восста-

ние. Кроме того, говоря о манипуляции индейцами, А.Уорман отказывает им в способности самостоятельно действовать и принимать решения. Вместе с тем нельзя отрицать, что причины для социального негодования в Чьяпасе были.

Данный штат отличается высокой концентрацией коренного населения (по данным на 2005 г., из 4,3 млн жителей штата около 22,3% были индейцами) и самыми низкими показателями человеческого развития по стране. Представители власти объясняли вспыхнувший конфликт тем, что этот регион «характеризуется тяжелой исторической отсталостью, которую не удалось полностью преодолеть, несмотря на большие усилия, предпринимаемые в течение пяти лет действующим правительством»⁸. Чьяпас был основным получателем средств из бюджета Программы национальной солидарности (Programa Nacional de Solidaridad, PRONASOL), созданной в 1998 г. для борьбы с нищетой. В 1994 г. на развитие штата было выделено 8% бюджета этого фонда. Однако президент К.Салинас в своем последнем правительственном докладе признал, что восстание в Чьяпасе нельзя объяснять исключительно нищетой индейцев⁹. Существованию индейских общин в штате угрожали либеральные реформы правительства, осуществляемые в рамках подготовки к вступлению в силу договора NAFTA. В этой ситуации PRONASOL должна была выполнять компенсационную роль, но выделение финансовых средств, конечно, не могло восполнить индейцам-крестьянам сокращение государственных субсидий на сельское хозяйство и возможную потерю земель в результате приватизации.

Обоснованность требований EZLN и стремление партизанской армии к мирному урегулированию конфликта обеспечили сапатистам поддержку значительной части мексиканского общества. Говоря о значении событий в Чьяпасе, известный американский политолог Самюэль Хантингтон отмечает, что восстание EZLN само по себе не было проявлением серьезного сопротивления «североамериканизации», но то «сочув-

ствие, с которым отнеслись мексиканские интеллектуалы, журналисты и другие люди, формирующие общественное мнение, говорит о том, что североамериканизация в целом и NAFTA в частности могут встретить активное неприятие мексиканской элиты и общественности»¹⁰. Присутствие в зоне конфликта многочисленных активистов и наблюдателей, в том числе международных, не позволяло федеральным войскам вести войну на уничтожение партизан и вытесняя противостояние в политическую плоскость.

В феврале 1996 г., при президенте Эрнесто Седильо (1994—2000), в муниципалитете Сан-Андрес в Чьяпасе состоялись переговоры между правительством и EZLN, вошедшие в историю как одно из самых демократичных событий в мексиканской политической жизни за долгие годы. За стол переговоров при посредничестве Комиссии по достижению согласия и примирению (Comisión de Concordia y Pacificación, COCOPA), в которую вошли депутаты и сенаторы от крупнейших политических партий конгресса, сели представители власти и вооруженная партизанская организация.

В результате сторонами были подписаны «Соглашения Сан-Андреса», положения которых должны были стать основой для построения новой модели взаимоотношений между правительством и автохтонным населением. В соответствии с документом, индейские народы должны были получить конституционное признание и гарантии права на свободное самоопределение и самоуправление, не нарушающее целостности государства¹¹. К концу года на основании соглашений COCOPA подготовила проект закона о правах и культуре индейских народов, однако в связи с арестом нескольких членов EZLN сапатисты на неопределенный срок приостановили переговоры, обвинив правительство в провокации. До окончания президентского мандата Э.Седильо переговоры так и не были возобновлены.

После приостановки диалога по «Соглашениям Сан-Андреса» сапатисты приняли решение самостоятельно, в одностороннем порядке реализовать на

практике положения этого документа и приступили к построению самопровозглашенных автономных муниципалитетов, которые стали формой сопротивления, бросавшей вызов государству и оспаривающей легитимность его институтов. История не признанных конституционно автономий в Чьяпасе началась еще в 1987 г. с появлением *de facto* самоуправляемых муниципалитетов на территориях индейцев тохолабаль, что наглядно свидетельствует о неэффективности государственных институтов в штате. В ответ на действия EZLN правительство прибегло к милитаризации зоны конфликта — в 1999 г. в противоповстанческих операциях в штате было задействовано около 40 тыс. солдат регулярной армии¹². Автономии и базы поддержки сапатистов также нередко подвергались вооруженным атакам полувоенных формирований *парамилитарес*, которые, по утверждению мексиканского исследователя Хильберто Лопеса-и-Риваса, связаны с федеральными властями¹³.

Индийские организации связывали особые надежды на выполнение «Соглашений Сан-Андреса» с президентскими выборами 2000 г. В своей предвыборной кампании кандидат от оппозиционной тогда Партии национального действия (Partido Acción Nacional, PAN) Висенте Фокс пообещал, что в случае прихода к власти решит проблему Чьяпаса «за 15 минут», немедленно выведет из зоны конфликта войска и начнет диалог с EZLN¹⁴. После его победы на выборах, прервавшей 70-летний период правления Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI), казалось, что процесс урегулирования конфликта в Чьяпасе сдвинется с мертвой точки.

Уже через несколько дней после вступления в должность, в начале декабря 2000 г. президент направил в конгресс предложение СОСОРА, на основании которого должен был быть принят Закон о правах и культуре индейских народов. Однако в конце апреля 2001 г. закон был принят конгрессом в искаженном виде, не соответствующем по своей сути «Соглашениям Сан-Андреса» и предложению СОСОРА.

Положения закона существенно расходились с требованием автономии, выдвигавшим индейскими организациями. Во-первых, в реформе не было учтено понятие территории как юрисдикции для осуществления самоуправления. Под территорией понимается не только община, но и среда обитания коренных народов, материальное и духовное пространство, необходимое им для коллективного существования¹⁵. Территория включает в себя землю, природные ресурсы, недра, воздушное пространство, источники воды, а также места для ритуальных и религиозных практик. В тексте закона юрисдикция для осуществления автономии была сужена до общины, т.е. коренные народы имеют право использовать природные ресурсы только на территории, ограниченной их общинами.

Также на основании реформы, субъектами права признаются только индейские общины, т.е. признание получает только индейское население, проживающее на территории общины. А характеристики свободного самоопределения и автономии, «наиболее точно отражающие положение и потребности индейских народов в каждом штате, а также нормы признания индейских общин»¹⁶, будут установлены в конституциях и законах штатов.

Таким образом, осуществлять автономное управление должны не сами народы и общины, а штаты федерации, которые и признаются представителями индейских народов и общин и выразителями их интересов. Получается, что одновременно с признанием индейских общин субъектами автономии им по-прежнему отказывается в праве и способности принимать самостоятельные решения и определять собственные потребности.

Как утверждает мексиканский антрополог Эктор Диас-Поланко, работа законодателей над реформой происходила на фоне мощной кампании, развернувшейся в СМИ с целью дискредитировать идею индейских автономий. По мнению многочисленных комментаторов и журналистов, автономия привела бы к еще большей изоляции коренного населения, представляла собой

препятствие для прогресса страны, угрозу единству нации, мирному сосуществованию мексиканцев и соблюдению прав человека. Требование автономии называли чрезмерным, «сумасбродным»¹⁷. На эти обвинения можно возразить, что право индейских народов на самоуправление обусловлено их этническими и культурными отличиями, функционированием собственных социально-политических институтов. Учитывая право народов на самоопределение на основании реальной или предполагаемой культурной идентичности в сочетании с экономическими или социальными факторами, автономию можно считать приемлемым для общества с этнокультурными противоречиями решением, гарантирующим права различных этнических групп на относительную независимость в рамках государства, частью населения которого они являются.

Что касается угрозы единству нации, то для коренных народов Мексики никогда не были характерны сепаратистские настроения. В «Соглашениях Сан-Андреса» указывалось, что свободное самоопределение индейцев будет выражено в конституционных рамках автономии, не нарушающей целостности государства¹⁸, а один из лозунгов EZLN гласит: «Нет больше Мексики без нас» (*Nunca más un México sin nosotros*)¹⁹. Поэтому предоставление коренным народам автономии, на наш взгляд, не повлечет за собой раскол страны и общества, а скорее является обязательным условием включения индейцев в мексиканскую нацию на принципах плюрализма как равноправных граждан и с учетом их культурных особенностей.

В ответ на принятие закона незамедлительно последовала негативная реакция многочисленных индейских организаций страны. Сапатисты категорически отвергли закон, посчитав его насмешкой над коренным населением и нарушением «Соглашений Сан-Андреса». Недовольство реформой высказали руководитель Бюро по развитию индейских народов при правительстве Шочитль Гальвес, а также руководство Национального индихенистского ин-

ститута. О подготовке массовых акций протеста объявил Национальный индейский конгресс.

Почему правительство, демонстрируя волю к решению индейской проблемы, не выполнило обязательства, взятые на себя в 1996 г. в Сан-Андресе? На наш взгляд, основная проблема заключалась в том, что конституционное признание индейских автономий могло привести к потере государственного контроля над землями и природными ресурсами на индейских территориях и стать помехой для осуществления крупных нелиберальных проектов. Так, в 1990 г. в штате Герреро в ответ на проект строительства гидроэлектрической плотины на индейских землях был создан Совет народов науа Альто-Бальсас (*Consejo de Pueblos Nahuas del Alto Balsas, CPNAB*), объединивший около 40 тыс. жителей 22 общин. В результате CPNAB вынудил правительство отказаться от строительства и фактически взял в своей борьбе курс на получение автономии, чтобы гарантировать право на заселенные территории.

Ограничения в реформе были связаны не только с разногласиями относительно норм правового порядка или государственного устройства — они были основаны на политических и экономических интересах элит. В случае признания автономий коренное население стало бы при ведении переговоров крайне неудобным для властей партнером, не разделяющим либеральный проект правительства. Вероятно, это и предопределило консервативный характер реформы. Положения, признающие культурные отличия индейцев, не предполагали предоставления каких-либо особых прав этой части населения, а решение социальных проблем в южных штатах Мексики по-прежнему виделось в реализации государственных проектов по развитию.

К таким проектам, помимо NAFTA, можно отнести официально инициированный в 2001 г. План Пуэбла-Панама (*Plan Puebla Panamá, PPP*), цель которого — развитие и интеграция девяти южных штатов Мексики, Центральной Америки и Колумбии путем строитель-

ства и модернизации инфраструктуры (автотрасс, аэропортов, морских портов, электростанций и т.п.) и стимулирования торговых отношений в регионе. Одним из обоснований плана было предположение, что региональная интеграция позволит привлечь инвестиции, создать рабочие места и решить проблему нищеты. Одной из ошибок PPP, по словам мексиканского экономиста Мигеля Пикарда, было то, что этот проект основан на восприятии людей, особенно бедных, как объекта, а не субъекта развития²⁰. Это утверждение особенно верно в отношении коренного населения, т.к. проблема его нищеты является многомерной и должна решаться с учетом таких факторов, как его цивилизационные отличия и особенности исторического развития.

Одним из серьезных недостатков шестилетнего периода правления В.Фокса можно считать именно попытку свести индейскую проблему к ее экономическому аспекту и решать ее без консультаций с коренным населением. За период с 2000 по 2006 г. правительство осуществляло социальные программы паллиативного характера, пытаясь повысить уровень жизни индейцев в Чьяпасе и тем самым свести на нет причины, оправдывающие дальнейшее существование EZLN. К примеру, в Докладе о состоянии экономических, социальных и культурных прав, представленном мексиканским правительством на ассамблее ООН в 2004 г., один из разделов был посвящен ситуации в Чьяпасе и содержал информацию о правительственных социальных программах, реализованных в штате, на основании которой утверждалось, что «причины конфликта преодолены»²¹.

Нынешний президент Фелипе Кальдерон, пришедший к власти на выборах 2006 г., в своем первом президентском докладе отметил, что «признание культурного разнообразия и борьба с социальной отсталостью индейских народов и общин являются одной из важнейших задач государственной политики и важным условием для гармоничного развития Мексики»²². В качестве главного инструмента решения проблем индей-

цев по-прежнему рассматривались финансовые вливания и строительство инфраструктуры в индейских регионах с целью удовлетворения основных потребностей их населения. В 2007 г. на решение социальных проблем индейцев государство выделило на 1,5% больше, чем в 2006 г.

Во главе Национальной комиссии по развитию индейских народов (Comisión Nacional para el Desarrollo de los Pueblos Indígenas, CDI) был поставлен политик, член PAN и один из участников переговоров между правительством и EZLN 1996 г. Луис Альварес, что вызвало недовольство многих индейских организаций. Члены Национального индейского конгресса обвиняли Л.Альвареса в том, что тот, пользуясь бедственным положением индейских общин, предлагал им продовольствие в обмен на отказ от участия в сапатистском движении. Сам чиновник заявил, что разрешение конфликта в Чьяпасе не является обязательным условием для преодоления отсталости, маргинальности и нищеты индейских общин, и что правительство Ф.Кальдерона не заинтересовано в диалоге с EZLN²³.

Кальдерон, с самого начала своего мандата столкнувшийся с поляризацией общества и растущим недовольством широких масс нелиберальной политикой правительства, в том числе в индейских регионах страны, активно использует социальную риторику, утверждая, что работает в первую очередь в интересах бедных людей, и, обещая повысить уровень жизни в индейских общинах Чьяпаса²⁴. Если учесть заявления Альвареса, то подобные обещания, вероятно, даются президентом с целью ослабить поддержку EZLN коренным населением штата. Эта тактика применялась на фоне возрастающей активности армии, имеющей 56 военных баз в индейских районах штата²⁵, отмеченной в начале 2008 г. Центром политического анализа и социальных и экономических исследований в Чьяпасе.

В последних числах марта 2010 г. в мексиканском сенате обсуждалась статья в газете «Reforma», в которой со ссылкой на материалы, анонимно переданные редакции бывшим членом

EZLN, сообщалось о финансировании сапатистов баскской сепаратистской группировкой (Euskadi ta Askatasuna, ETA)²⁶, стоящей под номером 9 в списке международных террористических организаций Госдепартамента США²⁷, а также об имеющемся у сапатистов арсенале оружия. Обвинения в наличии связей с ETA, несомненно, наносят ущерб репутации сапатистов. Сенатор К.Хименес Масиас, комментируя эту информацию, заявил, что, «несмотря на все меры по решению проблемы EZLN, предпринятые в свое время, эта армия продолжает свою деятельность, и власти должны конфисковать их арсенал вооружения, особенно в такой трудный для страны момент»²⁸. Вероятно, чиновник говорил об активизации наркомафии, которая в ряде штатов страны приводит к гибели тысяч людей и потере государственного контроля над частью мексиканской территории. Не исключено, что публикация в авторитетном издании материалов, полученных от анонимного источника, является попыткой оправдать готовящуюся военную кампанию против EZLN.

Подведем итоги.

— В последней четверти прошлого столетия активизация автохтонных народов и выдвижение ими собственных инициатив по решению проблем нищеты и маргинальности создали предпосылки для формирования новой модели взаимоотношений индейцев с правительством, основанной на признании коренного населения самостоятельным участником политической жизни.

— Стратегией борьбы индейцев стало стремление к конституционному закреплению их права на свободное самоопределение и самоуправление. Ключевую роль в этом процессе играет EZLN, не ограничивающаяся в своей борьбе локальными интересами.

— Переговоры 1996 г. в Сан-Андресе свидетельствуют, что диалог с индейскими организациями возможен. Достигнутый компромисс также продемонстрировал волю правительства к решению проблемы на принципах взаимодействия с низовыми социаль-

ными акторами и изменения в восприятии индейской проблемы политической элитой.

— Несмотря на положительные перемены, в целом власти оказались не готовы согласиться с самостоятельными инициативами коренного населения. Конституционная реформа 2001 г. носит формальный характер. При этом сохраняется напряженность в Чьяпасе, где идет процесс построения сапатистских автономий *de facto*. Не стремясь возобновить диалог с EZLN, правительство сохраняет милитаризацию зоны конфликта.

— Политика властей направлена на ослабление поддержки EZLN населением, а основным инструментом решения проблем индейских общин по-прежнему считаются финансовые вливания в инфраструктуру без учета культурных особенностей и потенциала коренного населения, которое остается объектом государственной политики.

— Такая политика отвечает интересам политических и экономических элит, так как сильный социальный актор в лице индейского населения стал бы существенной помехой для реализации либерального проекта развития государства.

— Если принять во внимание многомерный характер индейской проблемы, то для ее решения необходим комплексный подход, учитывающий как социальные и экономические, так и этнокультурные факторы. Сведение проблемы к ее социально-экономическому аспекту и непризнание культурных прав индейцев, в том числе на автономию, не смогут гарантировать сохранение института общины, необходимого для выживания и гармоничного развития коренных народов. В результате патерналистской политики правительства по развитию индейских регионов коренное население будет интегрироваться в доминирующее общество, но по-прежнему занимать в нем маргинальное положение, обусловленное дискриминацией и сложностями при адаптации к чуждой культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ CONAPO, La población de México en el nuevo siglo. México, 2001, p. 165.

² Actas del Primer Congreso Indigenista Interamericano. Pátzcuaro, México, 1940.

³ Важно иметь в виду, что дискриминация в отношении индейского населения в постколониальной истории Мексики носила преимущественно не расовый или этнический, а именно культурный характер. Представители индейской расы, перенявшие западную культуру, могли достичь того же экономического, политического и социального статуса, что метисы и белые. Подробнее см.: P.González Casanova. La democracia en México. México, 1965, p. 73.

⁴ P.Fernández Ham. Los montos de la población indígena. Tres aproximaciones analíticas. — Demos. México, 1998, N 11, p. 33.

⁵ A.Pearse. Agrarian Change Trends in Latin America. In Agrarian Problems and Peasant Movements in Latin America. New York, 1970, p. 28

⁶ A.Fabila. Las tribus yaquis de Sonora. Su cultura y anhelada autodeterminación. Primer Congreso Interamericano. México, 1940, p. 150.

⁷ A.Warman. Chiapas hoy. — La Jornada. México, 16 de enero de 1994.

⁸ J.Volpi. La guerra y las palabras. Una historia intelectual de 1994. México, 2004, p. 221.

⁹ C.Salinas de Gortari. VI Informe de Gobierno. — La Jornada, México, 2 de Noviembre de 1994, p. 2.

¹⁰ С.Хантингтон. Столкновение цивилизаций. Москва, 2003, с. 230.

¹¹ L.Hernández Navarro; R.Verga Herrera. Acuerdos de San Andrés. México, 1998, p. 58—59.

¹² G.López y Rivas, J.L.Sierra Guzmán, A.Enríquez del Valle. Las Fuerzas Armadas Mexicanas a fin del milenio. Los militares en la coyuntura actual. México, 1999, p. 21.

¹³ G.López y Rivas. Contrainsurgencia y paramilitarismo en Chiapas en el gobierno de Vicente Fox. Ponencia para el «Encuentro nacional extraordinario por la paz», 5-7 de julio de 2002, p. 8.

¹⁴ C.García Calderón, L.Figueroa Tapia. Medios de comunicación y

campañas electorales 1988—2000. México, 2006, p. 207.

¹⁵ C.Alarcón, C.Böhrert, C.Romero. Hacia una Constitución democrática, viable y plural. Tres miradas. La Paz, 2008, p. 272.

¹⁶ F.López Bárcenas. Legislación y derechos indígenas en México. México, 2005, p. 16.

¹⁷ H.Díaz-Polanco. Los indígenas en el primer año de gobierno foxista. En R.Delgado Wise, C.Galindo, L.González Souza. México en el primer año de gobierno de Vicente Fox. México, 2002, p. 160.

¹⁸ Acuerdos de San Andrés. Gobierno de Chiapas, 2003, p. 27.

¹⁹ M.Irurizqui, L.Reina. La reindianización de América, siglo XIX. Madrid, 1997, p. 12.

²⁰ M.Pickard. The Plan Puebla Panama: Looking Back to See What's Ahead. Silver City, 2004, p. 2.

²¹ Gobierno de los Estados Unidos Mexicanos Informe sobre la Situación de los Derechos Económicos, Sociales y Culturales, México, 2004.

²² Primer Informe de Gobierno, Presidente Felipe Calderón Hinojosa. — <http://primer.informe.gob.mx>

²³ A.G.Tejeda. Para el gobierno, el EZLN dejó de ser interlocutor. — La Jornada, 2.IV.2007.

²⁴ Reconocen pueblos indígenas autoridad del Presidente Calderón, 6 de Abril de 2008. — <http://www.comunicacion.chiapas.gob.mx/documento.php?id=20080407124309>

²⁵ The Future of Mexico's EZLN. — <http://www.coha.org/the-future-of-the-ezln/>

²⁶ Известно, что члены ETA укрывались в Мексике с 1963 г., но после того, как в 1994 г. появились сведения об их связях с EZLN, мексиканское правительство выдало Испании десятки членов ETA. В июле 2007 г. испанский премьер-министр Хосе Луис Родригес Сапатеро и Ф.Кальдерон подписали декларацию, в которой, помимо прочего, предусматривалось усовершенствование механизмов выдачи террористов.

²⁷ Foreign Terrorist Organizations. Fact Sheet. Washington, 2008. — <http://merln.ndu.edu/archivepdf/terrorism>

²⁸ Llama Senado a aclarar relación entre EZLN—ETA. Agencia Reforma, 28.III.2010.